

Густые, давно не стриженные волосы растрепались. Родная станица осталась позади — с гомоном рынка, кричащими курами, любящей женой Любашей и тремя детьми-сорванцами. Кошка Муська, ласковая и преданная, но, как все кошки, вполне себе независимая, сегодня ни свет ни заря окотилась.

Костя разделся и вошёл в воду. Нежную и прохладную. Поцеловал нательный крестик перед тем как поплыть поперёк уверенного течения реки. Природный простор и водная свобода пьянили.

Рано утром Муська забралась к нему на кровать и развалилась на покрывале, прижавшись спиной к хозяйской руке. Сквозь дремоту Костя почувствовал, как рядом с ним стремительно расплзается мокрое пятно: на божий свет собирались появиться котята.

На этот раз Муська родила четверых. На последнем из них, едва завидев хозяйку с тазиком воды, кошка рванула прятаться. В зубах она держала трёхцветную дочку, не вылизанную до конца. Последний котёнок, болтаясь на пуповине, покорно волочился вслед за матерью.

К слову, топить котят на этот раз не собирались.

Костя улыбнулся, выплывая на середину реки. Муська с самого утра всех переполошила: и жёнка спешно оттирала простыни, причитая на весь дом, и старый дедушка Матвей заворочался в углу, а дети только прознали — сразу повскакивали с полатей, будто и не спали вовсе.

С тех пор как её второй и третий помет утопили, Муська перестала людям доверять в этом вопросе. Она разыскивала старшенького, годовалого Муфусаила, загоняла на лежанку, где нынче родила, и кормила. Брошенные новорожденные котята, жалобно скуля, расплзались по избе. Особенно неугомонный был четвёртый, мальчик. Весь чёрный с белым, самый крупный и живучий, он постоянно куда-то полз целеустремлённо, непременно на середину комнаты и вопил громче всех. Три трёхцветные девочки — все как одна пятнистые, черепаховые — то звали мать и робко ползли вдоль стены, то льнули друг к другу и дремали мохнатой горочкой где-нибудь в углу.

Наказав своим ребятишкам проследить за Муськой и котятами, Костя ушёл на реку искупаться. Муфусаила — главную Муськину надежду на продолжение рода — он сгрёб в охапку и прихватил с собой, надеясь, что кошка сосредоточится на новорожденных.

И правда, только они вышли из дома, Муська пошла к котяткам.

2

Когда они переступили порог, Муфусаил запрял ушами и наострил бего, но вдруг выразительно задумался и остался лежать на руках хозяина. Так они спокойно дошли до реки.

Пока Костя купался, кот преданно сидел на берегу, порой оборачивался по сторонам, а потом снова смотрел на середину реки. Когда хозяин надолго скрылся под водой, Муфусаил привстал, сосредоточенно посмотрел на опустевшую реку и заорал.

3

Дети окружили кошку, подтолкнули к ней котят и следили, как те поглощают молоко. Котята ели второй раз от роду, первый — сразу после рождения, когда хозяйка, причитая и охая, оттирала простыни за Муськиными родами. А на суматоху и на запах уже спешил Муфусаил. Раздвинув маленьких котят, он присосался к свободной титьке, уверенный в своей правоте. Но кошка встала и пошла к своей миске: старшенького уже нечего было кормить, а маленьких — она была уверена — утопят не сегодня, так завтра.

Теперь, когда Муфусаила в доме не было, а хозяйские дети смотрели пристально, Муська наконец-то отнеслась к котяткам со всей прилежностью.

4

Когда течение потянуло Костю вниз, он сразу и не понял, что происходит. Уже под водой, на глубине он задержал дыхание и пытался выплыть. Открыл глаза, пробовал всплыть к свету, но его волчком кружил водоворот, рывками прижимая ко дну. Казак было закричал, но в рот сразу забила тина. Силы покидали, тело обмякло, и понесло его...

Муфусаил пришёл домой не сразу. Безуспешно поцарапался в толстую дверь, потом терпеливо сел на пороге. Когда вышел покурить дедушка, кот наконец-то ворвался в дом. Увидев его, Любка обеспокоилась: чего это он?

Но панику подняли только вечером.

5

Поп сразу сказал: без тела он никого отпевать не будет — не положено.

Так Костя и остался лежать на дне — неуспокоенным, недооплаканным, под корягой, в илу-песке, с обмотанным вокруг шеи шнурком с православным нательным крестиком.

Любашка вечером окропит слезами найденную на берегу одежду, потешит себя верой, что муж жив ещё, может быть, и спать ляжет. Придёт Муфусаил, свернётся в ногах калачиком, к полуночи к груди придвинется, поближе к сердцу прижмётся. Так и спят.

Дети с мокрыми глазами смотрят на всех, а спросить боятся.

И только дед твердит: «Утоп он, что я Костю не знаю, чё ли?»

6

На осьмой день Костя пришёл домой — рано утром, ещё до первых петухов.

Пройдя сквозь дверь, огляделся. Любаша долго не могла заснуть и потому спала крепко. Муфусаил повёл ухом, но продолжил лежать, полунакрытый пледом. Муська в обнимку с подрастающими котятками развалилась на топчане, на том самом месте, где неделю назад родила. Матвей кашлял во сне.

Костя подошёл к детям — спят: Катька носом кверху, Васька у неё под мышкой, Петька забился в уголок. Ангелочки.

Посмотрел на них, поправил подушку, подошёл к жене. Провёл рукой по русым Любкиным волосам.

Грянули петухи — и Костя растворился.

7

Вскорости дедушка сильно захворал. Он лежал на соломенном матрасе, совсем не вставая, и сильно кашлял. Потом и вовсе кашлять перестал.

К полуночи дедушка открыл глаза, поднялся с неожиданной лёгкостью и пошёл курить.

Костя сидел на завалинке и его ждал.

— Эх, батя, вот и ты помер.

— Неужто?

— Получается, что так.

— А что? Один у всех путь — в могилу. Главное, как ты тот путь прошёл, справедливо ли жил, по-правильному или нет. Самое ценное на этом белом свете что? — не мог наговориться дедушка Матвей. — Сохранение рода человеческого, продолжение рода своего. Тут я снимаю шапку — ты для этого всё сделал. И я, получается, тоже. — Дед красноречиво хмыкнул. — Вон Муська, тоже старается-надрывается: рожает и рожает. Как ей не надоест? А ведь правильно делает. Тут она умнее нас будет, знает, как жить и что делать. А мы, люди, глупые, однако, твари.

Полжизни чего-то маемся, время понапрасну теряем, растрчиваем себя, смыслы какие-то глупые ищем. А пошто? Зачем? А главное — почему?

— Вот в этом и главное — почему?! Разум нам даден. Он нас и ведёт, — ответил Костя.

— Не ведёт он нас, а уводит. От правды жизни. Глаза нам застилает. От ума все беды, от ума. Вот сколько твои детишки ещё бед натворят? Раскидай мозгами. Кто бы им мозги заранее вправил. Ан нет, надо каждому на грабли наступать, иначе неинтересно. Да ещё по нескольку раз на одни грабли, чтоб получше дошло. И ещё разок — для точности. Вот, Костя, думаешь, родил, и всё — живи-радуйся? Их же ещё на путь поставить надо, в дорожку по жизни снарядить. А ты уже утоп. Думаешь, всё сделал? Не-е-ет. Всё, да не всё. По-хорошему за ними ещё и проследить надо, чтоб не оступились.

— Правильно ты, батька, говоришь. Да только что я сделать-то могу?

— А вот, сынок, можешь ещё, — прищурился Матвей. — Меня-то скорёхонько наверх приберут, а ты, я чувю, тут долго ещё землю топтать будешь.

— То есть?!

— Не перебивай! Вот и проследи за своим потомством, чего тут зря болтать-ся? Мозги детям-правнукам повправляй.

— Правнукам?!

— А что? Вдруг ты до правнуков тут. На небеса утопленникам не положено. Пока. А там, глядишь, законы сменятся, и можно будет туда, наверх.

Костя совсем побледнел.

— А мозги им надо вправлять, — продолжал своё Матвей. — Вот, думаешь, сколько меня раз ангел-хранитель от того света спасал? А ведь спасал! Я-то уж понимаю. Вот залезет что-то в мозги самые — чувствуешь, не твоё. Но зудит там, в мозгах, зудит. Послушаешься — хорошо, а не послушаешься — всё, хана. Кто-то же мне эти мозги вправлял, помогал, на путь нужный ставил. И ты можешь — я уверен. Можешь-можешь, не смотри так! Да и пути у тебя другого нет. Воспитание в тебе моё, отцовское, не позволит по-другому. И мой наказ...

— Наказ?

— Да, наказ. Веди себя тут хорошо!

— Слушаюсь и повинуюсь! — Костя вскочил, выпрямился струной и руки по швам сделал.

— И тут придуривается, неугомонный! — проворчал Матвей, скорее, для порядку. — А ты что, сынок, думал? Тут свои законы. Им хошь не хошь, следовать надо.

Из дома послышался вой Любашки.

8

Прошло 200 лет.

Костя сидел на берегу реки. Широкой. Но отличало реку не это, а прозрачная студёная в любую жару вода, в которой отражалось синее небо. Только в по-настоящему чистой воде так глубоко отражается небо.

На дне зеленели камни, сновали рыбы.

За 200 лет далеко закинуло Костин род — в Сибирь, на берег Ангары.

А у самой кромки воды сидела рыжая кошка и чего-то ждала...